

**Элементы реликтового обряда «вождения стрелы» в русских селах
республики Молдова**

В данной статье производится попытка обозначить место песни „Стрела” и малоизученных реликтов одноимённого обряда, встречающихся у старообрядцев, которые проживают в русских селах Республики Молдова, осуществить их анализ и провести некоторые параллели с другими регионами. Также был намечен ряд вопросов, ответ на которые может быть получен в процессе отдельного, более развернутого исследования, специально посвященного изучению данного старинного обряда. „Вождение стрелы/сулы” (вид копья) („водить стрелу”, „гнать стрелу”, „закапывать стрелу”) – это весенне-летний обряд, который „закрывает” весну и „открывает” лето, приурочен к Егорьеву дню, Пасхальной неделе или Вознесению. Он включал ритуальное захоронение женщинами стрелы/сулы в защитных и репродуктивных целях. Территория распространения «вождения стрелы» четко ограничена регионом Восточного Полесья, но оттуда элементы обряда были перенесены в Молдову, и поэтому известны также у некоторых групп местных русских переселенцев. Представленные в данной статье сведения относительно ряда вариантов древней народной обрядовой песни „Стрела” и немногих сохранившихся элементов сопровождаемого ею обряда, разумеется, требуют дальнейшего углубленного исследования и проведения параллелей в пределах пространства общерусского песенного репертуара.

Ключевые слова: *обрядовая песня „Стрела”, „вождение стрелы”, реликты, старообрядцы, Восточное Полесье, Республика Молдова.*

Zaikovskaya T.V.,

Candidate of philology, Docent, Head of the Department of Ethnology of the Russian Population of the Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, (Moldova)

Relicts of the ritual «Arrow» in Russian villages of the Republic of Moldova

In this article is made an attempt to identify the place of the song „Arrow” and relicts (which can be found at the Old Believers, who live in Russian villages of the Republic of Moldova) of insufficiently explored ritual of the same name, to carry out their analysis and draw some parallels with other regions. Also was outlined a number of issues, a number of questions, the answers to which can be obtained in the course of a single, more comprehensive research, specifically dedicated to the study

of this ancient rite. Driving of arrow/„sula” (kind of spear) („to drive an arrow”, „to bury an arrow”) is a spring and summer ritual which „closes” the spring and „opens” summer, timed to the Day of St. George, the Easter week or Ascension. It includes a ritual burial of an arrow by women for protective and reproductive purposes. The territory of the spread of „driving of arrow” is clearly limited to the region of the Eastern Polesye, but from there the elements of this ritual were transferred to Moldova and therefore they are also known in some local groups of Russian immigrants. Information presented in this article in connection with a number of variants of an ancient folk ritual songs „Arrow” and the few remaining elements of the ritual followed it, of course, require a further in-depth research and drawing parallels within the space of all-Russian song repertoire.

Keywords: ritual song „Arrow”, „driving of arrow”, relicts, Old Believers, Eastern Polesye, Republic of Moldova.

Нецерковная обрядность в русских селах Молдовы, преимущественно старообрядческих, сохранилась, по понятным причинам, слабо. Однако среди других обрядов на особом месте находится обряд *Стрела*, вернее, его элементы, которые были зафиксированы далеко не всеми исследователями и почти не описаны в научной литературе. Судя по выявленным нами сведениям, данный обряд носит региональный характер (см. ниже).

Являясь древним славянским обрядом, он существует и в других местностях проживания восточных славян – в Белоруссии, России, Украине. Согласно материалам Российского этнографического музея (www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4241.html), вождение стрелы/ сулы («водить стрелу», «гнать стрелу», «закапывать стрелу») – это весенне-летний обряд, который «замыкает» весну и «отмыкает» лето, приурочен к Егорьеву дню, Пасхальной неделе или Вознесению. (Согласно Толковому словарю В. И. Даля, сула, *сулица* – это ручное, холодное оружие, род копья или рогатины, также мётное копьё.) Включал ритуальное захоронение женщинами стрелы/ сулы в защитных и репродуктивных целях. Здесь же говорится о том, что территория распространения «вождения стрелы» четко ограничена регионом Восточного Полесья, но оттуда обряд был перенесен в Молдову, и поэтому известен также у некоторых групп местных русских переселенцев. Следует подчеркнуть, что, по данным исследования сотрудников указанного музея, в русско-белорусско-украинском пограничье – Брянской, Гомельской и Черниговской областях – обряд бытовал только в среде автохтонного населения; старообрядцы, переселившиеся в этот регион в XVIII в., считали его проведение грехом.

Как уже отмечалось, в отличие от церковного, мирское песенное искусство долгое время находилось под запретом – в соответствии со строгими старообрядческими канонами считалось грехом петь «бесовские» песни и уж тем более проводить языческие обряды. Один из самых видных исследователей рассматриваемого обряда В. Е. Гусев подчеркивает: «Характерно, что в русских селах Ветковского района Гомельской области (в бывших старообрядческих слободах), а также среди старообрядческого населения Брянской области

вождение „стрелы” воспринималось как грех, хотя весенние хороводы и прекрасные хороводные песни здесь бытовали всегда (они хорошо помнятся и исполняются поныне). Этот факт неприятия „стрелы” переселенцами в еще большей степени проявляет местный, локальный характер обряда, характерного лишь для автохтонного населения указанного региона» (Гусев, 1986, с. 67).

Тем не менее, как указывают исследователи, подспудно в народном сознании старообрядцев эти песни и традиции жили всегда и с течением времени, по мере того, как ослабевало религиозное давление, проявлялись все более ярко, и особенно в тех переселенческих селах, которые были достаточно удалены от религиозных центров. Судя по собранным полевым материалам, в современной жизни оба пласта – церковный и мирской – составляют единый комплекс народной песенной культуры.

Изначально песней «Стрела» сопровождался обряд «похороны стрелы» с заклинанием молнии, чтобы ею никого не убило. При этом водили хоровод, который, по описанию музыковеда-фольклориста И. Земцовского, выглядел так: «Женщины, взявшись за руки и вытянувшись стрелой, плавно, словно гордые птицы, шли через всю деревню и пели» (Земцовский, 1987, с. 39-40.).

Приведем различные версии текста обрядовой песни «Стрела», исполняемой при проведении данного обряда, обнаруженной и записанной нами, а также другими исследователями в селах Республики Молдова с преобладанием русского старообрядческого населения (важно указать, что в сборнике народных песен Р. А. Богомольной 1968 г. данная песня отсутствует) и, для сравнения, – вариант, существующий в Полесье (Белоруссия):

Ты лети, стрела,
Ды вдоль села,
Ох, да люли, люли,
Ды вдоль села.

Ты не вбей, стрела,
Доброго молодца,
Ох, да люли, люли,
Доброго молодца.

По доброму молодцу
Нет кому плакати,
Ох, да люли, люли,
Нет кому плакати.

Матка старая
Сестра малая,
Ох, да люли, люли,
Сестра малая.

Жена грюмя,
Неразумная,

Ох, да люли, люли,
Неразумная.

Где matka плакала,
Там синя море,
Ох, да люли, люли,
Там синя море.

Где сестра плакала,
Там быстра река,
Ох, да люли, люли,
Там быстра река.

Где жена плакала,
Там роса впала,
Ох, да люли, люли,
Там роса впала.

Солнышко блеснуло,
Роса высохла,
Ох, да люли, люли,
Роса высохла.

Эта песня была записана нами в 2011 г. во время сбора полевого материала вс. Покровка Дондюшанского района Республики Молдова. Жительница данного села Инна Митрофановна Бельченкова сопровождала ее исполнение пояснением: «Еще песню „Стрела” пели, самая такая (?) песня, вдоль деревни ходили и пели».

Два варианта данной песни представлены Н. М. Савельевой в собрании песен, получившем название по ее первой строке: «Ты лети, стрела» (опубликовано в альманахе «Русская традиционная культура», М., 1998). Один из этих вариантов она рассматривает как «весеннюю пасхальную», а другой – как «карагодную» (диал. *хороводная*), в которых наблюдаются некоторые различия, видимо, в зависимости от их назначения, от ситуации, в которой они исполняются. Среди различий основным является то, что при сравнении этих вариантов сразу привлекает внимание обращенная к стреле просьба в первом варианте убить доброго молодца, а во втором – не убивать его (что вызывает вопросы):

Ты ляти, стрела, да и вдоль села,
Вой да, люли, люли, да и вдоль села.
Ты и вбей, стрела, доброго молодца,
Что по тем молодцу некому плакати,
Матка старая, сестра малая,
Сестра малая, жена глупая,
Жена глупая, неразумная,
Где матка плакала – там синя моря,
Где сестра плакала – там быстра
речка,
Где жена плакала, там роса ўспала,
Солнце блеснуло – роса высохла.
(Савельева, 1998, № 29)

Ты ляти, стрела, да и вдоль села,
Ой ли, ой, люли, да и вдоль села.
Ты не ўбей, стрела, доброго молодца,
Ой ли, ой, люли, добра молодца.
По том молодцу нет кому плакати,
Матка старая, сестра малая,
Жена глупая, неразумная.
Где матка плакала – там сине море
текло,
Где сестра плакала – там быстра
речка,
Где жена плакала – там роса ўпала,
Солнце блеснуло – роса высохла.
(Савельева, 1998, № 30)

Как видим, данные варианты, по сравнению с записанными нами в с. Покровка, являются более усеченными, и также обладают рядом различий, например, в егоровских вариантах жена характеризуется как «глупая, неразумная», а в покровском варианте – как «грюмая, неразумная» (возможно, вследствие желанья развести два синонима, добавить еще одну черту к облику одного из описываемых персонажей).

В. Е. Гусев в своей работе, посвященной исследованию обряда вождения «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье (в селах Столбун, Казацкие Болсуны, Бартоломеевка и др. Ветковского района Гомельской области), где отправление данного обряда приходится на Вознесение, по-местному «Ушэстье», приводит текст варианта, бытующего в Полесье (Белоруссия) и относящегося к основной версии данной песни (поется с «гуканьем») (Гусев, 1986, с. 71):

Як пуцу стралу да й удолю сяла,
Ох и ой лёли, да й удолю ся... У!
Як уб'е страла добра молайца,
Ох и ой лёли, добрага молай... У!
По том молайцу некаму плакаци,
Ох и ой лёли, некаму плака... У!
Матка старэнька, сястра маленька,
Ох и ой лёли, сястра малень... У!
Жана молада, кала горада,
Ох и ой лёли, кала гора... У!
Дзеци дробныя да усе родныя
Ох и ой лёли, да усе родны... У!
Дзе матка плача – там калодзеси,
Ох и ой лёли, калодзе... У!
Дзе сястра плача – там рэчки цякуць,
Ох и ой лёли, там рэчки ця... У!
Дзе дзетци плачуць – там ручайки цякуць,

Ох и ой лёли, ручайки ця... У!
Дзе жана плача – там расы нема,
Ох и ой лёли, там расы не... У!

В этом варианте обнаруживаются некоторые дополнительные нюансы, но основные акценты сохраняются.

В связи с обрядовыми действиями, во время которых закапывают металлические и иные предметы под общим названием «стрела» на поле и которые являются оберегом данной местности от молнии, града и т. п., исследователь Т. Блинова выдвигает предположение о том, что, возможно, изначально закапывали или втыкали в почву реальные стрелы. Она справедливо указывает на то, что «обтыкание стрелами» было весьма распространенным защитным обрядовым действием, примеры которого можно найти как в ранних письменных источниках, так и в современных фольклорных сборниках.

Песенный же текст, по ее мнению, направлен «не на защиту от града, а на вызывание (прекращение) дождя: имеются многочисленные этнографические свидетельства того, что дождь вызывали женщины ритуальным плачем по покойнику, мнимому или реальному. (В этом контексте уместно вспомнить балканские и бессарабские обряды Пеперуда, Калоян, Германчо – авт.)». Далее она пишет: «Вариативность текста говорит, на мой взгляд о том, что изначально текст мог исполняться с учетом ситуации: при засухе пели об убийстве молодца и его безутешном оплакивании, а в условиях повышенной влажности, наоборот, заявлялось, что убивать молодца не требуется, так как плакать по нему некому». В своих предположениях исследователь идет еще дальше: «Возможно, в отдаленный исторический период оплакивали молодцев, принесенных в жертву методом „слепого” тыка, то есть пускали реальные стрелы „вдоль села” – на кого из наблюдателей-мужчин „падет” божья воля, того и оплакивали» (Блинова, 2012).

Как еще не так давно осуществлялся данный обряд (вернее, его элементы; более полную последовательность см. ниже, в описании полесского варианта) в старообрядческих селах Молдовы, по воспоминаниям информаторов?

Прежде всего необходимо прояснить один момент, связанный с бытованием песни и обряда. Н. М. Савельева, собравшая материал о данном обряде в с. Егоровка, утверждает, что на всей территории Республики Молдова только здесь он и бытовал: «Ни в одном селе Молдовы этот обряд больше не зафиксирован» (Савельева, 1998, с. 11).

Однако все же следует признать, что это лишь элементы обряда (см. ниже описание того, что из него сохранилось в Егоровке). Впрочем, и сама исследовательница отмечает, что обряд подвергся существенной трансформации, потеряв языческие ритуальные элементы, сохранив самую общую канву, и был перенесен на пасхальные дни, в отличие от его устойчивого бытования в западнорусской традиции, где данный обряд исполняется на Вознесение.

Кроме того, напомним, что с. Егоровка было основано в 20-е гг. прошлого века выходцами из старообрядческих сел Молдовы и Украины: Покровки Старой и Новой Грубны и др., следовательно, именно из этих сел были перенесены древние песни, как обрядовые, так и необрядовые, вкупе с

традиционными обрядами и обычаями. Поэтому и песня «Стрела», и элементы самого обряда в той или иной степени сохранились в перечисленных селах.

В с. Егоровка, по описанию Н. М. Савельевой (Савельева, 1998, с. 6-7), в пасхальное воскресенье пели только церковные песнопения, а на второй день и далее шесть недель подряд «гнали стрелу», причем первые два-три дня был самый «развал» (разгар) праздника. Жители собирались группами (каждая группа – на своей улице) и под песню «Ты лети, стрела...» шли «на долину» – на поляну или в другое подходящее случаю место, где водили хороводы, а после этого вновь «гнали стрелу». Причем во время того, как «стрела» шла «на долину», она постепенно обрастала новыми людьми, так что к прибытию на место собиралось довольно много народу. Поэтому приходилось разделяться на «кумпании» по 10–12 человек – в соответствии с возрастом. Хороводы водила молодежь – незамужние девушки, холостые парни. Допустимо было войти в круг и молодоженам.

Надо сказать несколько слов и о том, как выглядела сама «стрела» при движении по направлению к поляне. (Это важно, поскольку и форма, и способ перемещения в корне отличаются от полесского варианта, считающегося изначальным, первичным, – см. ниже для сравнения.) В уже цитированной работе Н. М. Савельевой (стр. 7) читаем: «На „стрелу” вставали цепочкой вдоль улицы, держась за платочки; первые два человека делали „воротики”, под которые проходила вся цепочка, и последние в ней становились первыми; они снова делали „воротики”, и таким образом весь хоровод передвигался вдоль улицы к поляне, на которой водили другие хороводы. Пока „гнали стрелу”, пели только одну упомянутую песню».

Отметим между прочим, что в пасхальные дни устраивали также так называемые «рели» – качели. Парни вели своих девушек к «релям» и раскачивали доску. Девушки же из стыдливости подвязывали юбки под коленями, чтобы они не развевались при движении качелей. Здесь же присматривали себе девушек и те, кто еще не подыскал себе невесту. Вот что об этом говорит Семен Васильевич Придорожнов, 1951 г.р., житель с. Кунича: «Обычно где приглядывали девчат? Например, ходили на релю. Это диалектное слово. То есть ходили отдыхать, особенно на Пасху, к тому хозяину, у которого качели были. И вот идут на релю. Кто какую-то девчонку приметил – там присматривались они друг к другу. И еще у нас посиделки организовывались. Нанимали дом у какого-нибудь хозяина, хозяину платили, ставили лампу, приглашали гармониста. Приходили девчата, получалось что-то вроде клуба. Отдыхали, общались» (АА).

После всех развлечений примерно к четырем часам дня все шли в церковь молиться: пропускать было нельзя.

Чтобы попытаться понять, как же все-таки выглядел обряд в своем более полном и последовательном варианте, какова цель его совершения, обратимся к его описанию В. Е. Гусевым в деревне, наблюдавшим его с коллегами в различных деревнях Полесья (в каждой из которых есть свои особенности исполнения данного обряда), в том числе в с. Столбуны Ветковского района Гомельской области Беларуси в 80-е гг. прошлого века. Тогда весь обряд был

записан на магнитную пленку, был зафиксирован в полевых дневниках и на фотографиях.

В данном селе рассматриваемый обряд приурочен к празднику Вознесения («Ушэсця») и связан с первым выходом в поле для осмотра озимых хлебов. Около полудня женщины и девушки в нарядной одежде группами собираются на улицах в разных концах села и под пение «Стрелы» сначала водят хороводы, а затем, взявшись за руки, выстраиваются в широкие ряды по 12–14 человек и с той же песней движутся по центральной улице к сельской площади у перекрестка дорог. Здесь они образуют общий круг, который потом разделяется (внутри его образуются еще два круга поменьше) и примерно полтора часа водят хороводы (в которых могут участвовать и дети, но они не поют), причем каждый круг поет свою особую песню. Наконец, круги останавливаются, хороводницы перестраиваются опять в ряды по 12–14 человек и направляются к полю с озимыми. Эти группы уходят одна за другой, поскольку к этому моменту на площади собирается уже до 500 человек. Это шествие длится около часа, и на протяжении всего этого времени вновь звучит напев «Стрелы». Уже в поле из толпы выходят наиболее уважаемые женщины села и лучшие песенницы и начинают водить хоровод. Поют хороводные песни. Потом одна из них призывает: «Закапывайте стралу!» Хороводницы пригибают колосья к земле становятся на колени и закапывают в землю специально принесенные мелкие предметы (сережки, расчески, монеты, шпильки и др.) со словами: «Пайшоў Гасподзь на небяса, / Пацягнуў жыта за каласа».

Считается, что выполнение данного действия способствует быстрому росту колосьев, хорошему урожаю. Во время «похорон стрелы» дети со смехом перекатываются по полю. (В некоторых других селах данного региона это делают сами женщины.) Исследователь подчеркивает, что «несмотря на продолжительность обряда (около шести часов – авт.) и массовое стечение народа, наблюдатели отмечают строгую последовательность всех эпизодов обряда и вместе с тем не снижающийся эмоциональный подъем и энтузиазм всех участвующих в хороводах, шествии и пении песен на протяжении всего времени» (Гусев, 1986, с. 64-65).

Мы видим, что описанный В. Е. Гусевым обряд (кратко переданный нами) связан с аграрной продуцирующей и предохраняющей магией, хотя в нем заметна связь и с религиозным праздником (предшествующий обряду перенос иконы Вознесения, а также заговор с упоминанием Бога).

Как уже отмечалось, исследования ученых говорят о том, что лучше всего этот региональный обряд сохранился именно в Брянской, Гомельской и Черниговской областях, в русско-белорусско-украинском пограничье (отметим, между прочим, что это некогда этот регион был территорией Польского государства, – возможно, с этим связана лучшая сохранность здесь ряда обычаев и обрядов), на основании чего делается подкрепленный документальными сведениями вывод о том, что зоной бытования обряда в конце XIX – начале XX вв. было среднее Поднепровье и бассейны рек Сож и Десна, то есть территория юго-восточной Белоруссии, западной Брянщины и

северо-восточной Украины. Более того, в некоторых местах этого региона вождение „стрелы” (сохранившиеся элементы обряда) удается наблюдать и в настоящее время. В конце прошлого века во многих селах Полесья это наблюдали, например, В. Е. Гусев, И. Земцовский и др. (см. выше), а уже в наши дни – участники фольклорных экспедиций Белоруссии во время проведения сбора полевого материала.

Вождение «стрелы» и закапывание (похороны) «стрелы» связывается местными жителями с улучшением роста хлебов, а также с предохранением урожая и людей (выведении стрелы-молнии из села) от стихийных бедствий. Однако древнее магическое предназначение перекапывания женщин по полю, засеянному озимыми (акт, стимулирующий плодородие земли), уже забыто (Токарев С. А., 1983, с. 38–41). Этим действиям дается иное объяснение: устали от хороводов, разминают спину.

Относительно песни, сопровождающей обряд, в исследованиях говорится, что зона ее бытования значительно шире, чем зона распространения обряда (см., напр.: Гусев, 1086, с. 63). С одной стороны, действительно, песня «Стрела» в различных вариантах известна на территории, далеко выходящей за рамки указанного региона: нами выявлены сведения о бытовании данной песни и в Черновицкой области (с. Грубна Сокирянского района), у забайкальских старообрядцев и т. д. Однако, с другой стороны, у старообрядцев Забайкалья была зафиксирована не только песня, но и выявлены элементы самого обряда «похороны стрелы» (Любимова, 2001). Следовательно, вопрос, связанный с распространением как обряда «вождение стрелы» / «похороны стрелы», так и песни, в сопровождении которой он проводится, остается пока открытым и требует дополнительного исследования.

Что же касается другого вопроса – о том, как данная песня (и элементы языческого обряда) попала в старообрядческую среду, в частности, в соответствующие села Молдовы, закрепившись в фольклорном сознании их жителей, – то его можно попытаться прояснить.

Чтобы ответить на него, следует обратиться к истории переселения староверов, которые, спасаясь от преследования, бежали на окраины Русского государства, а также укрывались за его пределами. Вот что об этом пишет Н. М. Савельева в связи с зафиксированным ею в с. Егоровка Фалештского района Республики Молдова обрядом и песней «Стрела»: «Именно в эпицентре бытования Стрелы в конце XVII в. возник знаменитый Ветковско-Стародубский центр, куда стекались старообрядцы со всей Руси. <...> Исследователи западно-русского региона еще в прошлом веке писали, что песенные традиции старообрядцев и коренных жителей ярко отличаются друг от друга, и, если случаются заимствования, то они четко прослеживаются. <...> Но научный парадокс заключается в том, что когда старообрядцы ушли из Ветковско-Стародубского центра, то именно они перенесли „Стрелу” в новые места своего проживания. Это подтверждается тем, что „Стрела” в фольклорных записях была зафиксирована только у тех старообрядцев, которые либо „вышли” из этого центра, либо были тесно с ним связаны» (Савельева, 1998, с. 8).

Представленные в данной статье сведения относительно ряда вариантов древней народной обрядовой песни «Стрела» и сопровождаемого ею обряда (его сохранившихся элементов), разумеется, требуют дальнейшего углубленного исследования и проведения параллелей в пределах пространства общерусского песенного репертуара. Это выходит за рамки задач, поставленных нами в своем исследовании. Мы же попытались здесь обозначить место песни и малоизученного обряда в быту жителей русских сел Республики Молдова, осуществить их анализ и провести некоторые параллели с другими регионами. Также был намечен ряд вопросов, ответ на которые может быть получен в процессе отдельного, более развернутого исследования, специально посвященного изучению данного старинного обряда.

Примечания

(АА) – архив автора.

Литература

1. Блинова Т. Славянский код стрелы. 2012. В: <http://www.perunica.ru/etnos/6582-slavyanskiy-kod-strely.html>
2. Гусев В. Е. Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. Под ред. Н. И. Толстого. М.: Наука, 1986.
3. Земцовский И. По следам веснянки из фортепианного концерта П. Чайковского. Л., 1987.
4. Любимова Г. В. «Похороны стрелы» в весенне-летней обрядности забайкальских старообрядцев. В: Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Матер. III межд. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2001. С. 184-188.
5. Русские народные обычаи и обряды. Российский этнографический музей. В: www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4241.html
6. Савельева Н. М. Народные песни русских поселений Молдовы и Украины. Вып. I. Песни и хороводы села Егоровка. Серия: Русская традиционная культура. М.: Родникъ, 1998, № 6-8.
7. Токарев С. А. Эротические обряды. В: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев Академия Наук СССР *Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*. Редакционная коллегия: С. А. Токарев (отв. редактор), И. Н. Гроздова, Ю. В. Иванова, С. Я. Серов. Издательство «Наука», 1983. С. 38–41.

References

1. Blinova T. Slavyanskiy kod strely. 2012. V: <http://www.perunica.ru/etnos/6582-slavyanskiy-kod-strely.html>
2. Gusev V. E. Vozhdenie «strely» («suly») v Vostochnom Poles'e // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Duhovnaya kul'tura Poles'ya na obshcheslavyanskom fone. Pod red. N. I. Tolstogo. M.: Nauka, 1986.
3. Zemcovskij I. Po sledam vesnyanki iz fortepiannogo koncerta P. CHajkovskogo. L., 1987.

4. Lyubimova G. V. «Pohorony strely» v vesenne-letnej obryadnosti zabajkal'skih staroobryadcev. V: Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. Mater. III mezhd. nauch.-prakt. konf. Ulan-Udeh, 2001. S. 184-188.
5. Russkie narodnye obychai i obryady. Rossijskij ehntograficheskij muzej. V: www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4241.html
6. Savel'eva N. M. Narodnye pesni russkih poselenij Moldovy i Ukrainy. Vyp. I. Pesni i horovody sela Egorovka. Seriya: Russkaya tradicionnaya kul'tura. M.: Rodnik", 1998, № 6-8.
7. Tokarev S. A. Ehroticheskie obryady. V: Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoj Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev Akademii Nauk SSSR Institut ehntografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Redakcionnaya kollegiya: S. A. Tokarev (otv. redaktor), I. N. Grozdova, YU. V. Ivanova, S. YA. Serov. Izdatel'stvo «Nauka», 1983. S. 38–41.